

Вячеслав Лютов

Сны Григория Варсавы

Судьба и творчество
Григория Сковороды

Вячеслав Лютов

**Сны Григория Варсавы. Судьба
и творчество Григория Сковороды**

«Издательские решения»

Лютов В.

Сны Григория Варсавы. Судьба и творчество Григория Сковороды
/ В. Лютов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749991-4

Книга рассказывает о судьбе и творчестве одного из первых русских философов Г. С. Сковороде. Его оригинальность как мыслителя признана отечественными историками философии: В. Зеньковским, Н. Лосским и др.

ISBN 978-5-44-749991-4

© Лютов В.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Биограф Сковороды	7
Затерянные корни	9
Киевская академия	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сны Григория Варсавы Судьба и творчество Григория Сковороды

Вячеслав Лютов

Александру Зизевских.

Мир ловил меня, но не поймал...

Григорий Сковорода

© Вячеслав Лютов, 2018

ISBN 978-5-4474-9991-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

...Маленькому Григорию снились большие часы.

Часы эти отец Савва, добрый потомственный казак, привез в 1725 году, когда с севера еще только спешила на Украину весть о смерти «полтавского героя» Петра Великого, и когда мальчику, трех лет от роду, уже было позволено трепать против шерсти добродушных домашних псов. Привез с Лубенской ярмарки к себе в Чернохи, в просторный дом на косогоре, и поставил в светлую комнату – залу – на которую тогда была провинциальная киевская мещанская мода.

У часов были витые фигурные стрелки, римские цифры на циферблате, казавшиеся мальчику таинственными и смысла которых он тогда не понимал, и тяжелый зеркальный маятник, окруженный гроздьями винограда и смешными ангелочками.

И снится мальчику, что он, словно маленький паучок, ползет вверх по маятнику. Вдруг становится темно – потому что он скрывается за циферблатом, попадая в царство пружинок, металлических волосков, пластинок и крючков; а оттуда – к зубчатым колесикам, которые крутятся, цепляясь друг за друга: одно – в одну сторону, другое – в другую, и так друг другу напротив.

И слышит мальчик странный разговор.

– Скажи мне, – говорит одно колесо другому, – почему ты крутишься в другую сторону, а не вместе с нами?

– Меня так сделал мастер мой, – был ответ. – И я вам не только не мешаю, но еще и помогаю тому, чтобы часы наши ходили по рассуждению солнечного круга.

Это были очень забавные и очень серьезные колесики-шестеренки, и мальчик улыбался во сне, чтобы потом, проснувшись, вспомнить, как вечером накануне старый местный дьяк говорил отцу:

– По разным природным склонностям и путь жития разный. Однако всем один конец – честность, мир и любовь...

Биограф Сковороды

Григорий Саввич Сковорода родился в Малороссии в 1722 году в небольшом селе Черногох Киевской губернии. «Родители его были из простых людей: отец – казак, мать – такого же роду. Они имели мещанское состояние, посредственно достаточное, но честностью, правдивостью, гостеприимством, набожностью, миролюбивым соседством выделялись в своем кругу».

Так начинается рассказ о своем друге и учителе Михаил Ковалинский, «любимый мой кузнецик и дорогой муравей», как называл его Сковорода в одном из писем.

Муравей этот действительно дорог – написанная Ковалинским биография философа не просто является ценнейшим источником – она вся исполнена уважения и вместе с тем независимости своих суждений, а бережное отношение к памяти друга не имеет ничего общего с «дружеской ретушью». Из огромного вороха мемуаристики, попадавшейся когда-либо мне на глаза, я на вскидку могу назвать лишь одного человека, который бы *так* рассказал о друге, – Степан Бегичев и Грибоедове. Нет ни суеты, ни многословия, ни слащавости, ни попутного купания в лучах славы – словом, всего того, что отличает денщика от барина. Впрочем, Ковалинскому это было и не нужно.

О нем самом впору писать свою повесть. Сын священника, выучившийся в Харьковской семинарии, и воспитатель детей гетмана Кирилла Разумовского, Ковалинский был одним из образованнейших людей своего времени, людей, которые словно выныривали из российского невежества (невежества) за глотком свежего воздуха, которые становились теми дрожжами, на каких замешивалась русская интеллигенция с ее прежним государственным мышлением. Послужной список Ковалинского весьма почтителен – от службы в канцелярии князя Потемкина до должности наместника Рязанской губернии в чине генерал-майора и куратора Московского университета.

И вот здесь, пока пафос карьеры не остыл, стоит сделать важную оговорку: Ковалинский достиг своих степеней не благодаря учительству Сковороды, а, напротив, как бы преодолевая его учение. Друг философа не растворился среди последователей – ошибки своей жизни оказались все же дороже и желаннее подражательной безошибочности. Он, несомненно, вплетал в себя идеи и поучения Сковороды, но ровно в той степени, которая позволяла бы ему оставаться Ковалинским. Именно такой «расклад» стал залогом их подлинной дружбы и правдивого отношения друг к другу.

Впрочем, стоит ли так много писать о мемуаристе? Не лучше ли сразу заняться главным героем? Отвечаю: стоит и не лучше... Уже хотя бы потому, что добрая половина эпистолярного наследия Сковороды адресована именно Ковалинскому. Хотя бы потому, что нам часто с ним придется «встречаться» (как и В. Ф. Эрну в докладе 1911 года). Наконец, хотя бы потому, что именно Ковалинскому принадлежат первые оценки философии Сковороды и его личности, первая попытка разгадать тайну человека или хотя бы чуть-чуть очертить ее. Что же касается самой ценности «первого восприятия», живого и непосредственного, то оговаривать здесь попросту нечего...

«Жизнь Григория Сковороды, написанную в 1794 году в древнем стиле» Ковалинский начинает с очевидного: «Во всем существующем есть нечто главное и всеобъемлющее: в бесчленных ископаемых – земля; в растениях – вода; в животных – огонь; в человеке – разум... Человек в этом начале живет, движется, существует. Эта главнейшая, всемирная, невидимая сила единая – разум, жизнь, движение, существование... – наделяет его от главного благородства преимуществом – *свободной волей*...»

«Подвиг, то есть правильное применение свободной воли, совершает разделение, и этот подвиг *в выборе* истинного, доброго, совершенного...»

«Поставленный между вечностью и временем, светом и тьмой, истиной и ложью, добром и злом, имеющий преимущественное *право выбирать* истинное, доброе, совершенное и *приводящий то в исполнение на самом деле*, во всяком месте, бытии, состоянии, звании, степени, есть *мудрый*, есть *праведный*...»

Эти философские рассуждения биографа, написанные вполне в духе просветительской традиции и предваряющие повествование о жизни философа, могут, отчасти, показаться здесь лишними. Но нам они и интересны именно как первое глубокое восприятие жизни Сковороды как жизни Сократа, свободной волей выбравшего для себя этические правила, или как жизни Нила Сорского, пожелавшего «связать себе законы божественных писаний и последовать тем». А отождествление мудрости и праведности, несомненно, является уникальной «житийной» основой Сковороды-философа.

Поэтому как никогда прав В. Ф. Эрн, который признавался, что в Сковороде поражает *исключительная цельность его натуры*, «законченное единство его духовного облика». «Он живет так, как думает, и думает, как живет, – пишет Эрн. – *Личность* Сковороды – не менее крупная *философская ценность*, чем его произведения».

Если ее удастся почувствовать – пусть это будет лучшей оценкой наших заметок...

Затерянные корни

Найти корни простого и ничем не заметного казацкого рода Сковороды, да еще в темных ХУІ—ХУІІ веках – занятие практически безнадежное. Есть, конечно, некоторые предания, общая история казачества, есть даже семейные «сковородинские» байки – но все это вкупе лишь беглые и случайные картинки, штрихи (хотя я, может быть, и не прав – слишком многие исследования и источники мне в данное время и в данном месте попросту недоступны). Но как бы то ни было, этим эскизам пока и доверяюсь.

Прапрадеды Сковороды – без имени и отчества, – стоявшие у истоков казачества, скорее всего, как и другой люд, бегали некогда в Сечь *голотой*, нанимались, как и большинство прежних «доромановских» казаков, на заработки – «ходили казаковать», промышлять рыбой и зверем. Особое удовольствие доставляли походы – то на крымских татар, то на молдавских цыган, то на шляхту. Иногда, под винными парами, могли и Москве погрозить. В общем, разбой и кочевье, хотя и принявшее со временем «цивилизованное направление» и «государственные формы».

Немного известно (и то, должно быть, неправда) о прадеде Сковороды – он бродяжить по разудалой казацкой вольнице не стал, женился, зацепился за подол, назвался сиднем, *гнездюком*, хотя всякий раз возил в Сечь хлеб, а однажды даже провел там всю зиму, охраняя с другими куренями трофейные турецкие пушки и прочую запорожскую походную утварь. О нем сохранилась (а может быть, и придумалась) байка, что его некогда крестил сам гетман Сагайдачный незадолго до своей кончины.

Дед Сковороды тоже был неплох, не раз выбирался в куренные атаманы и даже ходил вместе с Хмельницким под Жванцы против ляхов, хотя и неудачно. Говорили, что душа у него была не на месте: сидя с казаками на засеке, мечтал о тихом хуторе и хлебном поле; гнездясь дома с женой и ребятишками, мечтал о походах и казацких подвигах. Так покоя и не нашел и тоской такой себя измучил.

От отца, Саввы Сковороды, будущий философ унаследовал миролюбие и благочестие, от матери – терпение и хороший голос. Это, пожалуй, единственное достоверное сообщение...

Реконструировать детство человека, затерявшееся где-то в начале ХУІІІ века, – задача сродни предыдущей. Но здесь есть хотя бы источник – целый абзац из хроники Ковалинского. Больше, к сожалению, довериться некому. И это тем печальнее, если учесть, что именно в детстве «вылепляется» сущность человека, и детские впечатления подчас становятся решающими (как здесь не вспомнить выросший из детских неврозов и страхов психоанализ ХХ века!)

Впрочем, биограф говорит следующее:

«Григорий на седьмом году о рождении отличался склонностью к набожности, талантом к музыке, охотой к наукам и твердостью духа. В церкви он добровольно ходил на церковные пения и пел чудесно, приятно. Любимый же, почти всегда напеваемый им был такой стих отца Иоанна Дамаскина: „Образу золотому, на поле Деире служимому, три твои отроцы не берегоша безбожного веления...“ и прочее...»

На этом, собственно, детство кончается. Хотя...

Термин Э. Радлова *невежласие* уже давно прижился в философской литературе, обозначая то *повсеместное невежество*, царившее в России в ХУІІІ веке. Но именно из него, собственно, и произросла – с трудом, как деревце сквозь асфальт – русская культура и русская интеллигенция. Кстати, определение «повсеместный» нуждается в некоторой корректировке – русское невежество (как и нищета) имело свою географию: чем дальше в глубь России, тем отчаяннее положение.

На «приграничных» территориях дело обстояло совсем иначе. К примеру, достаточно образованы были архангельские крестьяне, поморы; М. В. Ломоносов вовсе не из тьмы вышел – только в одних Холмогорах было несколько школ; крестьяне Шубин и Дудин, обучавшие Ломоносова читать и считать, сносно владели несколькими языками; да и сам отец «русского Невтона», имевший свой по-европейски оснащенный галиот, стоит думать, не на пальцах изъяснялся в современной ему навигации. В продолжение примера можно вспомнить и хорошее замечание Г. В. Плеханова: «Родись Ломоносов в какой-нибудь помещичьей деревне центральной России, ему, пожалуй, не пришлось бы сопровождать своего отца дальше, как от господской усадьбы до господской пашни...»

Точно так же – почти слово в слово – можно сказать и о Григории Сковороде (кстати, и Сковорода, и Ломоносов, если верить уточненной биографической хронологии, в 1734 году оказались в одном и том же месте – в Киевской академии; только первый пришел, а последний собирался академию покинуть).

Действительно, Гетманщина на протяжении всего ХУШ века (до ликвидации Сечи и закрепощения крестьян) была буквально наполнена *страстью к знаниям* и чем-то даже напоминала громокипящий кубок, в котором смешалось множество культурных и религиозных традиций. Кстати, и еще задолго до прорубленного Петром окна в Европу, заграничные путешественники с удивлением отмечали, что, например, большинство казацких жен и дочерей умеют читать («бабам ли грамоте уразуметь!»), а зачастую встречаются такие казаки, чьи обширные познания совсем не укладываются в характер простолюдина.

Как свидетельствуют ревизские полковые книги в архиве Малороссийской коллегии, только в селах Лубенского полка, к которому был «приписан» и Савва Сковорода, было 172 школы; в самих Чернохах – три, причем, количество дворов едва насчитывало полторы сотни. Обычная, среднестатистическая – по нынешним меркам – деревушка.

И вот здесь лирическое отступление так и просится на бумагу.

Очень жаль современную государственную систему образования. Перенести бы Сковороду из прошлого в наше настоящее, так он, пожалуй, ездил бы на автобусе в райцентр учиться (и то с неохотой), поскольку подобное количество дворов смотрело бы на одну-единешенькую и то невероятно запущенную школу с нищими и озлобленными учителями, месяцами не видевшими зарплату. Сковороде просто повезло, что он родился в просветительском водовороте. К слову, все школы на Гетманщине – явление исключительно народное; никаких правительственных программ там попросту не было; никаких бюджетов (хотя, правды ради, заметим, что была строчка на школы в казацком коште), субсидий, инвестиций, государственных траншей и государственной политики.

Однако, так ли это важно для понимания философии Сковороды? Важно, и даже очень. Подобное школьное изобилие – не чета нынешнему – ярко свидетельствовало о знании как *потребности*. Народ не толкали к учению и знаниям – он сам толкался за ними, как на рынке за маслом или мясом. Сама среда поэтому становилась теми дрожжами, на которых замешивалось *оригинальное* философское тесто. «Оригинальность», конечно, относительная – шло тотальное примеривание западной философской шапки на украинские чубы. Пусть самобытных идей пока не было, но *самобытный поиск* их был представлен весьма широко. Именно об этом я и хотел сказать, выделив банальное сочетание «страсть к знаниям». И именно ее и следует назвать одним из главных впечатлений детства Сковороды.

Другим впечатлением, также из этой страсти произросшим, стали учителя маленького Григория, который уже к шести годам выучился бегло читать. Имена их неизвестны – и это, кстати, еще одна из черт той эпохи: *неперсонифицированность образования*, странная, но позитивная *безличность*, некий неповторимый фольклорный образ – образ странствующего *жака-*

школяра, недоучившегося *спудея*, пробирающегося домой на летние вакации, нищего, полуголодного, но весьма романтического, к месту и не к месту толкующего, к примеру, Горация какому-нибудь казацкому дитяти за кров и харчи. Таким этот образ и отложился в памяти Сковороды.

Тогдашние спудеи, в основном, питомцы Киевской академии, исходили гетманские и запорожские земли вдоль и поперек и были таким же обычным явлением, как ныне появление в телевизоре какого-нибудь очередного кандидата в депутаты. Более того, Д. Яворницкий в своей «Истории запорожских казаков», развенчивая миф о казаках как о гуляках, пьяницах и грубых невеждах, склонен считать, что «ученые и недоученые спудеи» вкупе с польскими и украинскими панами и великорусскими дворянами стали особым культурным прецедентом. Они даже отличались своим языковым строем: запорожцев, к примеру, узнавали по частым ссылкам на Священное писание, любви к иностранным словам и витиеватым выражениям типа «душепагубного езера греховного». Подобные школярские тайны в виде «недишкреции, респонса, сатисфакции и перспективы» наверняка попадали на слух еще только постигавшему премудрости азбуки Сковороде.

Так что еще раз отметим: народная страсть к знаниям и пленительный для детского воображения странствующий студент и стали тем живым «ненаписанным» букварем, по которому училась когда-то читать русская философия.

Впрочем, подошло время и самому Сковороде стать «спудеем» – в 1734 году (по другой версии – в 1738 году), двенадцати лет от роду, как, кстати, и сыновья гоголевского Тараса Бульбы, он отправился в Киевскую академию.

Киевская академия

Прекрасен был град Киев, и холмы Киевские, благословленные когда-то святым апостолом Андреем, крещенные святым Владимиром и возвеличенные в монашеской аскезе великим Феодосием Печерским. Богат был Киев – слишком много торговых путей сходились в его лавках на Крещатике и Липках. Разношерстен был Киев – кто только не запутался в Подоле его великолепного платья: и казаки, и шляхтичи, и немцы, и русские, и евреи, и еще прочих национальностей десятки. Вот здесь, в этой пестроте и многоцветье Подола, плодила талантливых школяров Киевская академия, ставшая, по словам исследователя, основой складывающейся в России разночинной интеллигенции и приютившая в своих стенах как выходцев из духовного сословия, так и из обычных казацкого и чиновного.

Лик ее основателя – сына молдавского воеводы Петра Могила – уже довольно потускнел за столетие, так что двенадцатилетнему Григорию Сковороде остались в наследство лишь легенды о загадочном киевском митрополите. Никто не знал, где Могила учился – кто-то называл Замойскую академию, пропитавшую его «польским духом», а кто-то даже отправлял его в диковинную Голландию. Рассказывали о том, что Петр Могила, тогда еще молодой Печерский архимандрит, собирался открыть латино-польскую школу, и не где-нибудь, а в лавре, чем ужасно растревожил весь Киев – как пишет летописец, «от некоторых попов и казаков великое было негодование... и хотели самого Петра Могила и учителей его до смерти побить, едва их уговорили».

Из этого «спора» Могила вышел победителем и даже «переселил» свою школу в православный Братский монастырь. Говорили, что «зело умен был» и покровителей имел весьма надежных («родовые связи», как называет это Г. Флоровский; кстати, после смерти отца Могила, опекунами Петра были канцлер Жолкевский и гетман Ходкевич). Школу же выстроил по иезуитским образцам, почти целиком переняв план общего образования. Учебники и книги также были «еще те» – начиная латинистом Альваром и кончая Аристотелем и Аквином. Преподавание велось строго на латыни. Жесткий распорядок школьной жизни соответствовал иностранным (европейским) коллегиям и академиям.

Сковорода подобную «иезуитчину», естественно, застал. В академии существовало четыре только языковых латинских и греческих классов: фара, инфима, грамматика, синтаксима. Завершали обучение в классах философии и богословия с тем стандартным набором философских и схоластических сочинений, который так не устраивал, к примеру, того же Ломоносова. Вкусил Сковорода и строгость коллегии – в академии розгами и плетью насаждался почти монашеский режим, а иезуитские требования к качеству учебы были настолько высоки, что в списках студентов частенько появлялось примечание: «по ваканциях не явился».

Впрочем, возвращаясь ко времени Петра Могила, заметим, что обвинения в латинизме, папстве, униатстве, католицизме были столь часты и однообразны, что в конце концов Могила перестал обращать на них внимания. Главным его трудом – странное дело! – стала книга «Православное исповедание», в которой он бичевал протестантов, заплонивших Европу и теперь пробирающихся в казацкие пределы, и отвергал многие папские догматы. Мудрые люди так и не смогли понять, чего же в нем оказалось больше: *латинского православия* или *русского католичества*. Не мог этого уразуметь и Сковорода, попавший, даже по прошествии века с означенных событий, в жаркие богословские споры и диспуты. Не уразумел не потому, что был «слаб рассудком», а потому, что сама суть спора – как это ни покажется парадоксальным – была ему *совершенно неинтересна*. Этому есть целый ряд объяснений, но пока подчеркнем лишь суть выделенного сквородинского парадокса.

И еще. Прот. Г. Флоровского в «Путях русского богословия» писал:

«Могила и его сподвижники были откровенными и решительными западниками. Они стремились *объединить русских и нерусских за единой культурной работой*, в единой психологии и культуре. И та глухая, но очень напряженная борьба, которую мы все время наблюдаем вокруг всех начинаний и предприятий Могила, означает именно эту *встречу и столкновение* двух религиозно-психологических и религиозно-культурных установок или ориентаций – *западнической и эллино-славянской*».

Стоит ли дополнительно пояснять, что Малороссия как раз и стала той пробиркой, в которой эти реактивы смешались без каких бы то ни было прогнозов на исход опыта? Что же касается Сковороды, видевшего эту встречу воочию и ежечасно, то и он не избежал ее. Вот только сама встреча оказалась в философии Сковороды совершенно иной, нежели ее схематично рисуют университетские учебники.

Впрочем, пока самому Григорию не до этого. Вернее, *это* пока является тем внешним обстоятельством, с которым приходится считаться, но осознавать – нет ни желания, ни мотивов.

Пока Григорий обильно «заправляется Альвара» – штудировать латынь по знаменитой латинской грамматике Эммануила Альвара, изучает язык под чутким руководством таких корифеев академии, как Г. Конисского и Р. Заборовского. Вообще, киевские «спудеи» весьма ценились именно как переводчики. Это и понятно, если вспомнить, как их «натаскивали». Помимо ежедневных упражнений, чтений и переводов, ученикам вменялось говорить на латыни не только в академии, но и дома. Провинившимся или неучам вешали на шею большой деревянный футляр с длинным листом бумаги и не разрешали снимать даже на ночь (Ю. Барабаш. «Знаю человека». Григорий Сковорода: Поэзия. Философия. Жизнь. М., 1989. – из редких русских источников о Сковороде эта книга является наиболее ценной).

Юный Сковорода эту деревянную метку не носил. И дело здесь меньше всего в прилежании или усидчивости. В нем жила страсть к языку, в нем обитал *филолог*, столь трепетный в то время и столь редкий в наше. Когда исследователь, к примеру, говорит, что та же латынь стала «органической частью не только его творчества, но и всего мироощущения», он не далек от истины – так и было.

Однако, одних стихотворений Сковороды, написанных на латыни, его переводов, его многолетней «латинской» переписки с Ковалинским, неугасаемой любви к Горацию, мотивы которого слышны в доброй трети «Сада божественных песен» – всего этого вдруг оказывается недостаточно для того, чтобы понять роль *языковой органики*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.